

Наследие

Поэтесса

Моск. уральск. - 1998.

Чаев. - е.б.

с огромным бантом

Во многих современных изданиях, посвященных Н.Гумилеву, можно увидеть коллективный снимок участников поэтической студии «Звучащая раковина». Фото датировано июлем 1921 года. Изображенные на снимке поэты молоды, веселы, полны радужных планов... Арест и расстрел их учителя перечеркнет многие надежды. Кто-то из студистов останется в России, будет писать «в стол». Кто-то сгинет в годы ежовщины. Иные уедут на Запад, и там узнают отчуждение и бедность. Некоторые из эмигрантов - гумилевских учеников - погибнут в гитлеровских концлагерях.

Сидящий слева худощавый человек в кепке станет величайшим лириком русского зарубежья. Это Георгий Иванов, теперь его имя знают многие читатели в нашей стране.

Справа на фотографии - «маленькая поэтесса с огромным бантом», как она сама себя называла. Это Ирина Одоевцева, «легенда» Серебряного века. Ей суждено будет пережить и Г.Иванова, своего мужа, и всех изображенных на снимке. Дожив до перестройки в СССР, она вернется на родину после 65 лет эмиграции. Ее приезд в Ленинград в 1987 году будет представлен чуть ли не триумфом «нового политического мышления». Однако и литературная сторона дела не будет забыта: в «Худлите» огромным тиражом выйдут две знаменитые мемуарные книги Одоевцевой - «На берегах Невы» и «На берегах Сены».

То было фактически первое в Советском Союзе издание «эмигрантских» мемуаров, прежде известных у нас лишь по «тамиздату». Широкая публика ликовала, однако специалисты скептически посмеивались: в обеих книгах недремлющая советская цензура сделала немало сокращений. Полные же издания, выпущенные на Западе, были в то время малодоступны - библиотечные спецхраны строго берегли свои тайны. По сути неизданными на родине оставались и стихи Одоевцевой...

И вот, спустя десять лет, в России наконец изданы полные варианты обеих мемуарных книг. В почти тысячестраничном томе «Избранного» Ирины Одоевцевой (издательство «Согласие») восстановлены все купюры, сделанные некогда «угрюмыми сторожами муз». Вошли в книгу и несколько поэтических циклов любимой ученицы Гумилева. Теперь читатель сможет убедиться, что акмеистический мэтр «заметил и благословил» действительно незаурядного поэта, тяготеющего к «готическим» балладам и новаторским стихотворным формам.

Литературную манеру Одоевцевой-мемуаристки можно назвать романтико-сентиментальной. В ее искусно написанных воспоминаниях нет колкости, ехидности, сведения счетов. Автор ни на кого из своих персонажей не держит зла.

Одоевцева смотрит на мир глазами чуть капризной и по-юношески непосредственной поэтессы «с бантом» (важная деталь творческого имиджа!). В этих книгах нет трагически неразрешимых конфликтов, почти не чувствуется «горячего ветра эпохи». События революции и эмигрантских лет заметно идеализированы, подернуты розовато-ностальгической дымкой. Герои воспоминаний - классики XX века Гумилев, Мандельштам, Андрей Белый, Блок, Бунин и другие - неизменно ведут за чашкой чая вдохновенные беседы об искусстве, мягко подшучивают друг над другом, сочиняют эпиграммы, веселятся на новогодних балах... За подобную «сверхлиричность» Одоевцевой в свое время крепко доставалось от критиков. Но сегодня, когда ушли последние «могикане» первой эмиграции, становится ясно: книги эти - уникальное явление в русской мемуаристике XX века. Такой просветленной и глубоко человеческой интонации не смог найти никто из авторов зарубежья. А ведь там выходили воспоминания более «блестящие» и более достоверные...

Кстати, о достоверности. Исследователи давно заметили, что мемуары Одоевцевой, мягко говоря, не претендуют на стенографическую точность. Длинные тирады знаменитых писателей здесь явно стилизованы, некоторые чересчур «яркие» сцены откровенно вымышлены. Версия об участии - и активном участии! - Гумилева в контрреволюционном заговоре продиктована, скорее всего, требованиями издательской и политической конъюнктуры. (Тем более удивительно, что в 1-м томе академического Полного собрания сочинений Н.Гумилева, подготовленного ныне в ИРЛИ, встречаются ссылки на книги Одоевцевой как на весьма достоверный источник.) Блюстители исторической истины не раз обвиняли мемуаристку прямо-таки во лжи.

Возможно, суровые моралисты кое в чем и правы: зная так много о жизни литературного Петрограда 1918 - 1921 годов, Одоевцева, может быть, и не имела права так много выдумывать. Ведь ей - одной из немногих - посчастливилось дожить до почтенных лет и описать виденное и слышанное «в те баснословные года»... Однако законы творчества неумолимо требовали единства интонации и содержания. «Инфантильная» поэтесса с бантом не могла, как Пимен-летописец, фиксировать события с пунктуальной точностью. Романтическая барышня, автор «таинственных» баллад, должна была видеть чуть сдвинутую, чуть отклонившуюся от своего унылого течения жизнь. Лирика и документализм - две вещи несовместные. Одоевцева, в отличие от недальновидных критиков, это прекрасно понимала. И потому ее мемуарные книги поныне не утратили своего «блестительно-полувоздушного» литературного обаяния.

Андрей МИРОШКИН.